

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
ГРАФА И. Д.
ДЕЛЯНОВА.

НЕКРОЛОГЪ

ПРОФЕССОРЪ АРХИТЕКТУРЫ

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ШТАКЕНШЕЙДЕРЪ.

(1802—1865).

Какъ въ наукѣ отечествовъденія, такъ и въ искусствѣ переживаемъ мы эпоху переходную, когда идеалы прошлаго потеряли свое значеніе, а новые только слагаются. Отъ того то вліяніе современнаго направленія, всегда неотразимое на умственный трудъ, въ произведеніяхъ художниковъ нашихъ, даже замѣчательныхъ, проявляется еще недостаточнымъ, подъ часъ, выясненіемъ основной идеи. Къ сожалѣнію, видя эту какъ бы незаконченность, неудовлетворительность (можетъ быть даже и въ отношеніи формы), немногіе судьи изящнаго принимаютъ на себя трудъ при разборѣ, чаще всего рѣзкомъ и придирчивомъ, — замѣтить въ осуждаемомъ созданіи артиста вѣянье живой мысли, самымъ присутствіемъ уже вызывающей ободреніе, а не порицаніе; тогда какъ въ прежнее время обходились съ одною внѣшнею формою, вовсе не задаваясь идеею.

Требованіе новаго искусства: полное обладаніе идеи—формою, само по себѣ составляетъ задачу трудную, при сложности тѣмы едва достижимую. Удачное разрѣшеніе ея объобщится только со вре-

менемъ, послѣдовательными усиліями не одного поколѣнія артистовъ, но никакъ уже не вдругъ и не разомъ. А пока наступить этотъ вожденный срокъ, всякая, сколько нибудь удачная, попытка и всякій шагъ впередъ должны бы были встрѣчаться отнюдь не рѣзкими осужденіями; даже едва ли возможно строго требовать и высшей граціи формъ, при другихъ самостоятельныхъ достоинствахъ? Относительное побъжденіе трудностей предполагаетъ, какъ мы выше замѣтили, полное исчезновеніе ихъ со временемъ; а до такого упрощенія условій творчества, изслѣдователь современнаго, оставляя за собою разумность требованій, долженъ относиться съ уваженіемъ ко всему проявляющему наличное творчество, ничѣмъ не пренебрегая и стараясь выставить лучшее даже въ цѣломъ, не свободномъ отъ явныхъ недостатковъ. Только такимъ путемъ—добросовѣстнаго *анализа существующаго*, получится (при сравненіи съ прошлымъ) вѣрный взглядъ на новыя художественныя произведенія и опредѣлится, самъ собою, ходъ поступательнаго движенія искусства. При этомъ рациональномъ отношеніи къ артистамъ и ихъ творчеству, выступаютъ конечно, прежде всего произведенія, въ которыхъ художникъ—композиторъ, обладающій талантомъ и знаніями, выказалъ больше удачи въ побъжденіи существенныхъ трудностей и, проводя новою идею, успѣлъ облечь ее въ соотвѣтственную прекрасную форму.

Въ архитектурѣ, —искусствѣ болѣе реальномъ чѣмъ другія и болѣе зависимомъ отъ мѣстныхъ требованій и уровня научнаго образованія, —даровитые представители составляютъ значительный процентъ, а производительность вообще, долговѣчнѣе прочихъ художественныхъ специальностей и виднѣе, доступнѣе для обзора; по крайней мѣрѣ, въ главныхъ частяхъ. Хотя, съ другой стороны, для обсужденія достоинствъ архитектурныхъ произведеній требуется извѣстная технически ученая подготовка, независимо эстетическаго пониманія красоты формъ. Есть, конечно, какъ исключенія, и такія зданія, виѣшній эффектъ которыхъ, производя пріятное впечатлѣніе уже помогаетъ составить заключеніе выгодное для артиста — строителя, при одной эстетической наметанности. Къ числу твореній

зодчества, выгодно дѣйствующихъ на глазъ общемою массою, здѣсь въ столицѣ слѣдуетъ между прочимъ отнести Маріинскій дворецъ, построенный профессоромъ Штакеншнейдеромъ. Строитель этотъ, безспорно, принадлежитъ къ ограниченному числу художниковъ оставившихъ по себѣ прочную память, какъ самымъ достоинствомъ и значеніемъ сооружений, такъ и численнымъ богатствомъ исполненнаго въ тридцатилѣтія непрерывной строительной практики.

Произведенія Штакеншнейдера носятъ на себѣ, къ тому же, слѣды послѣдовательнаго преобладанія у насъ извѣстныхъ стилей; такъ что, въ этомъ отношеніи разработка его художественнаго наслѣдства составляетъ не послѣдній по важности подготовительный трудъ для уясненія исторіи архитектуры за предшествующія десятилѣтія, въ которыя одинъ модный стиль быстро смѣнялся другимъ; на столько же мало соотвѣтствовавшимъ нашему климату, какъ и канувшій въ Лету послѣдній предшественникъ блестящаго нововведенія. Не одинъ разъ все успѣло смѣшаться и перебиться, пока изъ этого хаоса стали показываться признаки нормальнаго взгляда: сознаніе необходимости строгаго слѣдованія какому-бы то ни было стилю и затѣмъ примѣненія его къ мѣстнымъ потребностямъ.

Время, въ которое выступилъ покойный Штакеншнейдеръ на арену независимаго труда, — было въ полномъ смыслѣ слова *безотрадно* для искусства. Вѣчные портики въ примѣненіи къ строеніямъ всякаго рода успѣли уже всѣмъ надоѣсть; какъ противоположность имъ — общипанная, непонимаемая какъ должно, — готика, казавшаяся болѣе соотвѣтственною тогдашнимъ требованіямъ, ставилась выше всего за новизну. И, покорные модѣ, начинавшіе зодчіе силились во что бы ни стало втиснуть въ требуемую, упорную, форму постройки казарменные и служебныя, караульни и дачи, болшею частію деревянныя. Штакеншнейдеръ въ готическомъ (или такъ тогда называемомъ) стилѣ проектировалъ тоже нѣсколько зданій, деревянныхъ пристроекъ къ каменнымъ сооружениямъ и совершенно каменныхъ; они имѣли участь общую съ другими. Къ счастью для искусства и художника, композиторъ скоро попалъ на новую вариацию

модныхъ затѣй—*русскій* стиль. А за тѣмъ вышелъ зодчій на тор-
ную тропу вольнаго подражанія грекоримскимъ вилламъ въ при-
мѣненіи, на сколько можно, граціозныхъ классическихъ формъ къ
легкимъ, лѣтнимъ, сооруженіямъ въ окрестностяхъ нашей сѣверной
столицы. Въ этомъ родѣ классическаго подражанія выполнилъ онъ
больше всего и, можно сказать, все лучшее. Позднѣйшія попытки
композицій въ стилѣ *рококо* тоже не лишены большихъ достоинствъ.

Прибавимъ къ нашей бѣглой характеристикѣ стилей оставившаго
насъ дѣятеля, что онъ работалъ быстро и много, а мысль его
скоро находила форму приличную данной задачѣ. Богатство и вкусъ
орнаментациі, — выступающей иногда виднѣе общей формы, — соста-
вляютъ неотъемлемое дополненіе къ указаннымъ прежде особенно-
стямъ композицій Штакеншнейдера; такъ что, только изъ соединенія
всѣхъ этихъ отличительныхъ качествъ художника, получается вѣрная
идея его индивидуальнаго, артистическаго, отличія отъ собратій.
Проводя же до конца это отличіе отъ собратій по профессіи, мы
можемъ, основываясь на характерѣ большинства построекъ Шта-
кеншнейдера, дать ему эпитетъ *строителя дворцовъ*, — вполне за-
служенный и столько же выражающій идею его творчества, какъ
устоявшіяся, принятая фразы — архитекторъ театровъ, церковный
архитекторъ и т. д.

Въ послѣдніе годы минувшаго столѣтія, Павелъ I, заботясь
объ усовершенствованіи выдѣлки русскаго кожевеннаго товара, со-
ставлявшаго важную статью комиссаріатскихъ заготовокъ, вызы-
валъ искусныхъ иностранцевъ изъ разныхъ мѣстъ Германіи. Тогда
изъ Брауншвейга выѣхалъ кожевникъ Фридрихъ Штакеншнейдеръ,
для помѣщенія котораго Императоръ приказалъ отвести пустопорож-
ную землю на р. Пудости, въ 4 верстахъ отъ Гатчины. У Фри-
дриха Штакеншнейдера былъ уже взрослый сынъ — Іоганнъ, кото-
рый, при измѣненіи обстоятельствъ, на пожалованной отцу землѣ по-
строилъ мельницу. Здѣсь, на новой родинѣ Брауншвейгскихъ вы-
ходцевъ, у Іоганна Штакеншнейдера 22 Февраля 1802 года родил-
ся сынъ Генрихъ, — нашъ будущій строитель. Рассказываютъ въ се-

мействѣ, что онъ съ ранняго дѣтства показывалъ склонность къ искусству, и основываясь на замѣченной страсти къ дѣланію игрушекъ въ формѣ моделей, отецъ, по совѣту родныхъ и знакомыхъ, рѣшился отдать сына въ Академію Художествъ въ качествѣ пенсіонера, съ платою по 360 р. асс. въ годъ.

Курсъ ученія продолжался (1815—1821) съ пользою для молодого дѣятеля, но безъ особеннаго блеска; никто изъ наставниковъ навѣрно не ожидалъ найти въ скромномъ слушателѣ, непримѣтно оставившемъ мѣсто образованія, будущаго профессора-строителя составившаго себѣ почетное имя въ нашемъ искусствѣ. Прямо съ школьной скамьи, Штакеншнейдеръ принятъ на службу (21 Янв. 1821 г.)—чертежникомъ въ Комитетъ строеній и гидравлическихъ работъ въ Спб.; здѣсь провелъ молодой человѣкъ 4 года (по 1 Юня 1825 г.). Только съ опредѣленія въ должность архитектора-рисовальщика въ Комиссію о построеніи Исаакіевскаго собора, мы можемъ слѣдить за трудами нашего строителя. Случаи отличиться—незамедлили. На Монферрана возложено было устройство катафалковъ и все вообще траурное убранство Петропавловскаго собора, по случаю погребенія Императора Александра I и, скоро потомъ, Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ обоихъ случаяхъ, исполненіе всѣхъ рисунковъ, какъ общихъ такъ и детальныхъ, поручено было Монферраномъ—Штакеншнейдеру, проявившему здѣсь въ первый разъ способности рисовальщика со вкусомъ. За эти работы художникъ получилъ первый подарокъ на службѣ. Въ слѣдующихъ годахъ (1827—8) передѣлывались въ Зимнемъ дворцѣ комнаты Императрицы Маріи Ѳедоровны; здѣсь при работахъ опять былъ Штакеншнейдеръ, награжденный по окончаніи подаркомъ и денежнымъ награжденіемъ. Устройство катафалка въ Петропавловскомъ соборѣ, по случаю кончины Императрицы Маріи Ѳедоровны, было послѣднимъ дѣломъ нашего артиста на службѣ Исаакіевской комиссіи, оставленной имъ въ концѣ 1831 года. Служа въ ней, получилъ онъ отпускъ за границу на годъ и при этомъ (по журналу Комитета гг. Министровъ, 25

Февраля 1830 года) вмѣсто оклада (1.200 руб.) 2,000 руб. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ ходатайствѣ о награжденіи чиномъ, Монферранъ выказалъ большую заботливость о подчиненномъ. Эта прекрасная черта была впрочемъ въ немъ обычная; служившіе въ Коммиссіи каждый въ свою очередь испытывали благосклонность главнаго архитектора, когда обращались къ нему. Состоя подъ его руководствомъ Штакеншнейдеръ имѣлъ частныя постройки, между прочимъ (1828 года) въ Выборгѣ, по порученію барона Николаи строилъ памятникъ, въ саду *mon Veros*. въ формѣ храма.

Говоря о началѣ служебной карьеры Штакеншнейдера, нельзя не сказать, что на сколько конецъ ея былъ блестящъ, на столько первые шаги были затруднительны. Академическій курсъ, при неполученіи медалей не давалъ признанному художникомъ никакихъ правъ; неопредѣленность въ этомъ отношеніи, въ соединеніи съ другими неблагоприятными обстоятельствами, сдѣлала то, что Штакеншнейдеръ получилъ первый чинъ почти одновременно съ признаніемъ академикомъ, хотя ходатайство о чинѣ началось съ перваго же года по опредѣленіи его въ службу. Графъ Милорадовичъ вошелъ съ представленіемъ о производствѣ въ чинъ Штакеншнейдера еще въ Январѣ 1822 г. Тутъ потребовались справки для опредѣленія правъ по происхожденію: дѣло остановилось за Царскосельскимъ земскимъ судомъ, который 5 лѣтъ дѣлалъ справку и сообщилъ ее тогда, какъ состоялось (14 Окт. 1827 г.) Высочайшее повелѣніе о выслугѣ дѣтьми иностранцевъ 12-ти лѣтъ до чина.

Поѣздка за границу въ 1830 г., испрошенная Штакеншнейдеру начальствомъ «для поправленія разстроеннаго здоровья» какъ извѣстно не состоялась; но лишеніе случая посѣтить Европу на этотъ разъ, принесло молодому, не извѣстному до того художнику такія выгоды, которыя безъ сомнѣнія превышали его первоначальныя надежды. По увольненіи, увезъ Штакеншнейдера къ себѣ въ имѣніе Фалль, Графъ А. Х. Бекендорфъ, поручивъ ему перестроить окончательно этотъ древній замокъ. Порученіе было серьезное, исполне-

ніе больше чѣмъ удачное;—и, что самое главное для Штакеншнейдера, — владѣлецъ Фалля, восхищенный трудомъ его, рекомендовалъ архитектора—Государю, съ этого времени принявшему въ немъ участіе. Взявъ увольненіе отъ Исаакіевской Коммиссіи, художникъ около 2-хъ лѣтъ состоялъ безъ службы, занятый частнымъ порученіемъ: онъ продолжалъ достройку Фалля. Въ концѣ 1833 года опредѣленъ онъ ко Двору Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича. Нельзя умолчать, что поручаемыя Штакеншнейдеру, Высочайшими особами разныя строительныя работы, имѣли сильное вліяніе на развитіе способностей художника, на нихъ впервые начавшаго проявлять замѣчательный талантъ. Нѣсколько ранѣе онъ уже заявилъ свой вкусъ и знанія наружною и внутреннею отдѣлкою дачи Е. И. В. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Жалуя брильянтовый перстень своему архитектору Его Высочество рескриптомъ отъ 30 Мая 1834 г. изволилъ изъяснить свою признательность. Къ этому же времени относятся исполненные Штакеншнейдеромъ рисунки люстръ и канделябръ для Императорскаго стекляннаго завода и программа данная Академіею «проектъ меньшаго загороднаго Императорскаго Дворца», за который въ Собр. 25 Сент. 1834 г. удостоенъ онъ званія академика.

Этими первыми шагами самостоятельнаго труда началъ Штакеншнейдеръ свою блестящую карьеру строителя.

Первою работою новаго академика оказалась попытка создать національное. Пробою — была постройка въ Петергофѣ «у запаснаго пруда», сельскаго домика (ко дню рожденія Императора, 25 Іюня 1835 года). Какъ новость, игрушка эта понравилась, и, Высочайше повелѣно Штакеншнейдеру ѣхать въ Москву: заняться проектомъ дворца въ с. Коломенскомъ. Командированный въ Августѣ, архитекторъ провелъ всю осень въ мѣстномъ изученіи и, воротясь сюда, занялся композиціею въ характерѣ напоминавшемъ Московскія памятники (*). Продолженіе работы ея во весь почти 1836 годъ

(*) Въ селѣ Коломенскомъ построены были каменный дворецъ при Екатеринѣ II, Штакеншнейдеръ въ проектѣ своемъ думалъ соединить въ одну не-

объясняется какъ самою обширностью проекта такъ и отвлеченіями всякаго рода, мѣшавшими художнику окончить начатое дѣло. Дѣйствительно, Штакеншнейдеръ въ это время занятъ былъ въ разныхъ мѣстахъ исполненіемъ множества работъ и самихъ по себѣ довольно сложныхъ. Достроивъ въ Петергофскомъ паркѣ (противъ Александрии), при въѣздахъ съ большой дороги, двѣ *караульни* въ англійскомъ вкусѣ, онъ составилъ проектъ пристройки столовой залы, ко дворцу въ Александрии и, на смежной Знаменской мызѣ, не задолго до того прибрѣтенной покупкою, занялся передѣлкою прежде существовавшего дома.

Фасаду его, сооруженному во французскомъ стилѣ конца XVIII вѣка, предстояло композитору придать характеръ англійскаго, полуготическаго замка. Для того, ко всѣмъ выступающимъ угламъ прибавилъ архитекторъ осьмигранные столбы съ зубчатымъ плоскимъ верхомъ, снабдилъ пилястрами простѣнки боковыхъ переходовъ (изъ главнаго дома во флигеля), а надъ ними и надъ главнымъ корпусомъ протянулъ по обрѣзу крыши (на лицевомъ фасадѣ къ дорогѣ во всю длину, а на заднемъ только надъ среднимъ выступомъ) рядъ зубцовъ, связывавшихся плоскими башенками, прилѣпленными въ родѣ длинныхъ фонарей по угламъ, надъ верхнимъ этажемъ. Незатѣйливая, хотя обильная, орнаментація фризовъ верхняго и нижняго (собственно пояса подъ окнами втораго этажа, на среднемъ выступѣ), на столько же напоминала готику, какъ намекъ на острый уголъ въ аркахъ переходовъ, ниши на филенгахъ-контрфорсахъ сихъ послѣднихъ (во 2-мъ этажѣ) и фигуры дверныхъ и оконныхъ переплетовъ главнаго входа. Въ заключеніе, надъ фронтонами, такъ легко

прерывную линію (на протяженіи 95 саж.) церковь Вознесенія Господня, сооруженную въ 1531 г. съ постройкою временъ Екатерины, которой оставленая часть должна была составлять центръ его композиціи; съ другаго бока для симметріи пристроивалась башня же, подобная церковной, а надъ серединою трехъ этажнаго дворца, обращеннаго такимъ образомъ къ Москвѣ рѣкѣ, художникъ располагалъ крышу *бочкою* съ гребнемъ, и по сторонамъ ея небольшіе тонкіе башенки. Скаты къ берегу образовалъ террасы со спусками.

преображеннаго замка, поставились гербы на щитахъ, держимые орлами, а подъ фронтонами вырѣзались (подъ главнымъ подлиннѣе, подъ заднимъ покороче) полосы орнамента. О строгой выдержанности стиля тутъ не могло быть и рѣчи, но, вообще говоря, композиторъ успѣлъ достигнуть пріятнаго, хотя и изысканнаго ensemble'я. Прибавимъ, что монотонію длинной нити фасада, протягивающагося чуть не на 90 сажень, онъ разбилъ пристройками закрытыхъ и полуоткрытыхъ балконовъ.

Въ эти подробности, выставяющія отличительныя черты готики Штакеншнейдера, мы вошли съ намѣреніемъ: дать понятіе въ какой мѣрѣ пользовался онъ средствами стиля для своихъ композицій въ томъ родѣ.

Одновременно съ передѣлкою фасада дворца на Знаменской мызѣ, Штакеншнейдеръ отдѣлывалъ здѣсь же комнаты, получившія отъ характера украшеній названія свои — «греческая комната» и «рафаэлевская галлерей». Въ первой изъ нихъ яркіе малиновые драпировки, при бѣлизнѣ стѣнъ, недовольно отчетливо выставяютъ строгія формы древней скульптуры и орнаментаціи іоническаго ордера; въ послѣдней же изящныя арабески «возрожденія» на всѣхъ выступахъ арокъ, соотвѣтствуютъ болѣе написаннымъ въ простѣнкахъ мифологическимъ фигурамъ, въ Помпейскомъ стилѣ. Немного вредитъ и пестрота цвѣтныхъ стеколъ въ двухъ окнахъ, по сторонамъ камина.

Въ отдѣлкѣ комнатъ, особенно послѣдней, выказался въ Штакеншнейдерѣ архитекторъ-орнаментистъ, т. е. то именно качество, которое преобладаетъ въ лучшемъ изъ исполненнаго имъ.

Отдѣлка «музыкальной» и «гостиной» въ Ново-Михайловскомъ (*) дворцѣ, на половинѣ Е. И. В. Великой Княгини Елены Павловны, и передѣлка дворца въ Ораніенбаумѣ (гдѣ строилась тогда новая

(*) Т. е. дворцѣ Великаго Князя Михаила Павловича, называвшемся такъ вообще въ тридцатыхъ годахъ.

зала), шли параллельно съ описанными работами, представляя въ выгодномъ свѣтѣ трудолюбіе строителя, успѣвавшего еще выполнять и частныя порученія. Такъ, на примѣръ, тогда же возводя вокзалъ, при станціи желѣзной дороги, въ Павловскѣ (послѣ сгорѣвшій и опять имъ же строенный), Штакеншнейдеръ построилъ: нѣсколько дачъ въ окрестностяхъ столицы, домъ барону Притвицу въ деревнѣ Забалканской и домовую церковь въ имѣніи графа А. Х. Бенкендорфа „Фалль“, близъ Ревеля. Тамъ же, по случаю посѣщенія „Фалля“ Императорскою фамиліею, онъ поставилъ еще „монументъ.“

Въ началѣ 1836 года, неутомимый строитель причисленъ былъ къ Департаменту Удѣловъ и служба уже тамъ, за проектъ Коломенскаго дворца получилъ табакерку съ брилліантами (13 Янв. 1837 г.), а вскорѣ за тѣмъ (19 Іюня 1837 г.) въ ознаменованіе Монаршаго благоволенія къ трудамъ его — орденъ Станислава 4 степени. Императоръ Николай I, какъ извѣстно, людей, заявившихъ талантъ, награждалъ истинно *по Царски*. Независимо ордена, Штакеншнейдеръ въ это же время при милостивомъ содѣйствіи Е. И. В. Государыни Великой Княгини Елены Павловны, посланъ былъ въ чужіе края «для усовершенствованія», съ выдачею на путевыя издержки 200 червонцевъ и сохраненіемъ получаемыхъ окладовъ. Художникъ въ это время посѣтилъ Италію, Францію и Англію, изучая стили и занося въ свой путевой альбомъ, акварелью предметы наиболѣе поражавшіе картинностью. Въ рисованіи акварелью А. И. Штакеншнейдеръ упражнялся съ любовью, время отъ времени исполняя пейзажи, архитектурные виды и портреты близкихъ особъ.

Пробывъ за границею съ Іюня 1837 по Мартъ 1838 г., Штакеншнейдеръ воротился въ самую пору, когда предстояло приняться за главный трудъ, составляющій, можно сказать, его саро d'орега. Мы говоримъ о Маріинскомъ дворцѣ.

Продолжая проектированье перестройки дворца на фермѣ, въ Александріи и отдѣлку комнатъ дворца на Знаменской мызѣ (*),

(*) 1838 г. мы имѣемъ проектъ вычурнаго украшенія „боскетной“ комнаты.

Штакеншнейдеръ получилъ повелѣніе составить проектъ дворца для Е. И. В. Великой Княжны Маріи Николаевны, обрученной 4 Декабря 1838 г. съ герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ. Композиторъ тогда же составилъ проектъ въ общихъ чертахъ и представилъ на Высочайшее воззрѣніе. Государь одобрилъ идею и, указомъ 1 Марта 1839 г., повелѣвая построить предполагаемый дворецъ на избранномъ мѣстѣ, назначилъ строителемъ зданія самого составителя проекта.

Мѣсто, избранное для новаго дворца, у Синяго моста, занято было зданіемъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ. Домъ, гдѣ помѣщалась Школа, построенъ былъ для графа Захара Гр. Чернышева, въ шестидесятихъ годахъ минувшаго вѣка, извѣстнымъ Валленемъ де-ла-Мотомъ, первымъ профессоромъ архитектуры въ нашей Академіи Художествъ. Барскій домъ, проектированный со всѣми затѣями тогдашней роскоши, — флигелями, террасою, садомъ и всѣми удобствами, сообразно значенію хозяина въ обществѣ, — давно уже утратилъ свой первоначальный характеръ, не пріобрѣтя достаточныхъ выгодъ для того назначенія, которое дано ему было въ послѣднее время. Составитель проекта дворца предположилъ расположить новое зданіе, неограничиваясь однимъ домомъ Школы, на всемъ пространствѣ между Вознесенскимъ проспектомъ и Новымъ переулкомъ, подавшись и въ глубину далѣе граней мѣста Школы; для сего пріобрѣтены были въ казну смежные дома: Демута-Малиновскаго, доктора Савенко и купца Вульфферта. Старый Синій мостъ положено разширить во всю ширину образующейся передъ Маріинскимъ дворцомъ правильной площади. Величественное зданіе дворца въ три этажа (кромѣ подвального, а съ нимъ въ 4 этажа), выдаваясь на площадь боковыми флигелями, въ срединѣ фасада снабжено меньшимъ выступомъ входа съ колоннами, образующимъ по линіи бель-этажа родъ обширнаго балкона или террасы, украшеннаго балюстрадомъ и вазами. Такимъ образомъ украшенъ и высокій аттикъ, вѣнчающій дворецъ и расположенный надъ серединою

его выступа. Весь цоколь сложенъ изъ гранита, вазы и капители чугунные, а желобчатая колонны, полуколонны, пилястры, кракштейны аттика, карнизъ и обдѣлка оконъ — изъ песчанаго камня, добытаго въ имѣніи Бистрома близъ Нарвы. Щеголеватая наружность зданія соотвѣтствуетъ какъ нельзя болѣе пышности внутренней отдѣлки, гдѣ строитель выказалъ, замѣченный у него ранѣе, талантъ орнаментиста еще болѣе съ выгодной стороны. Парадные залы съ просвѣтами, великолюпная лѣстница, самый входъ и изящная отдѣлка церкви, представляютъ въ своемъ родѣ, прекрасныя, по стилю безъ укоризненныя композиціи. Оставляя нѣкоторые старые стѣны (въ части дворца, прилегающей къ Вознесенскому проспекту и назначенной собственно для жилыхъ помѣщеній Августѣйшихъ хозяевъ), Штакеншнейдеръ въ принаровленіи ихъ къ удобнѣйшему — комфортабельному расположенію внутреннихъ апартаментовъ, показалъ много такта и тонкаго вкуса. Мы не имѣемъ возможности пускаться здѣсь даже въ поверхностное перечисленіе лучшихъ, наиболѣе удавшихся зодчему частей такого обширнаго цѣлаго, но смѣемъ указать, какъ на заслугу, по времени, въ строительномъ дѣлѣ, на разработанную здѣсь основательно систему металлическихъ стропиль и балокъ, тогда еще бывшихъ явленіемъ необыденнымъ. Висячіе колонны церкви дворцовой, устройство фонарей для просвѣтовъ и металлическая сѣтка для намета штукатурки потолковъ, представляли въ свое время удачнѣйшее разрѣшеніе сложныхъ задачъ, къ тому же бывшихъ новостью для многихъ строителей. Неумолчимъ, что первыя металлическія стропила оказались не совсѣмъ удачными; но безъ поправокъ и совершенствованія, вслѣдствіе встрѣченныхъ затрудненій, не прошло ни одно нововведеніе. Что касается заслугъ строителя, какъ художника, свидѣтельство ихъ выразилось въ единодушномъ признаніи А. И. Штакеншнейдера профессоромъ архитектуры безъ программы (вмѣстѣ съ Н. Е. Ефимовымъ, 27 Сент. 1844 г.). До того просилъ онъ программу (въ 1843 г.) и (Опр. 18 Ноября) назначено было сочинить «проектъ тюремнаго замка по исправительной системѣ», но выполнить этаго онъ не имѣлъ времени.

Одновременно съ постройкою городского дворца для Е. И. В. Великой Княгини Марии Николаевны, Штакеншнейдеру поручена была постройка дачи для Ея Высочества на мызѣ Сергѣевкѣ, между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. Если позволено выразиться о Маріинскомъ дворцѣ у Синяго моста, что онъ *величественъ*, то виллу въ Сергѣевкѣ можно назвать, по справедливости, граціознѣйшимъ сооруженіемъ въ этомъ родѣ, въ окрестностяхъ столицы. Принявъ за основаніе расположенія дачнаго дома древнія римскія сооруженія, комментированныя въ вѣкѣ „возрожденія“, Штакеншнейдеръ внесъ въ свою композицію разумное пониманіе потребностей мѣстнаго климата и той обстановки, для которой предназначена постройка. Излишней роскоши нѣтъ и слѣда въ ней, но все, что усиливаетъ внѣшній эффектъ (именно выступающія части цѣлаго: террасы, балконы, открытыя портики, веранды), употреблено съ большимъ разнообразіемъ, дѣлающимъ въ сущности простые фасады, каждый отдѣльно, какъ бы новымъ, совершенно особеннымъ, зданіемъ. Декорація зеленью выбрана вездѣ обдуманно и отъ того при обилии цвѣтовъ вообще, утомительнаго однообразія они не производятъ. Таже идея варіированія мотивовъ украшеній выдержана и во внутренней отдѣлкѣ: Помпейскую орнаментацию, по мѣстамъ замѣняютъ греческіе ордера и причудливыя завитки рококо. То, что мы сказали выше о комфортѣ расположенія Маріинскаго дворца, къ Сергѣевской виллѣ можетъ и должно быть отнесено тѣмъ скорѣе, что помѣщенія жилья, да уютное размѣщеніе хозяйственныхъ приспособленій на ограниченномъ пространствѣ, входили главнѣйше въ идею архитектора. Расположеніе сада, чему способствовала и самая мѣстность, составляетъ въ проектѣ дачи конечно одно изъ существенныхъ условій, но за сооруженіемъ виллы можетъ имѣть важность второстепенную, на столько же, какъ флигеля служебныя и другія постройки. Тѣ и другія исполнялись Штакеншнейдеромъ послѣдовательно, а не всѣ вдругъ. Закладка дворца въ Сергѣевкѣ, по проекту Штакеншнейдера, происходила 28 Іюля 1839

года, а 24 Іюня 1842 года совершенно освященіе этого, необширнаго, но въ высшей степени изящнаго зданія. При цѣнности матеріаловъ, употребленныхъ въ дѣло и значительности всего построеннаго, сумма исчисленная по смѣтѣ архитектора (659.845 р.) не можетъ показаться высокою. Заботливый строитель награжденъ еще ранѣе окончанія работъ (25 Іюля 1840) единовременно 15 т. р. (ассигнац.), а по отдѣлкѣ получилъ при милостивомъ рескриптѣ (отъ 9 Іюля 1842 г.) Е. И. В. Великой Княгини, настоящаго Президента Академіи, табакерку съ вензелевыми знаками имени Ея Высочества. Сооруженіе городскаго дворца, утвердившее репутацію зодчаго на прочномъ основаніи, привлекло на него новыя Августѣйшія милости; независимо единовременнаго пожалованія 5 т. р. сер. (28 Янв. 1845 г.), Штакеншнейдеръ получилъ орденъ Св. Станислава 2 степени, отъ Его Высочества Герцога Максимилиана, при рескриптѣ же (отъ 20 Янв.) — табакерку съ вензелевыми знаками, а отъ Ея Высочества драгоценную булавку.

Капитальныя сооруженія дворца и дачи, не отвлекали совершенно трудолюбиваго художника отъ исполненія другихъ работъ.

Въ періодъ 1839—40 г.. успѣлъ онъ составить проекты: Дѣтской больницы въ С. Петербургѣ (Высоч. утвержд. 6 марта 1840 года), Посольскаго дома въ Тегеранѣ и, по волѣ Государя Императора, проектъ хода или мыса въ море, въ Александріи, по которому тогда же приступилъ къ исполненію работъ, оконченныхъ на весну.

Еще въ 1838 году Ея Величество, въ Бозѣ почившая Государыня, Императрица Александра Ѳеодоровна изволила поручить знаменитому Шинкелю составить проектъ дворца на южномъ берегу Крыма—Оріанда. Прославленный композиторъ, вытребовавъ всѣ потребныя данныя (какъ-то планы: бывшаго на мѣстѣ сооруженія, съ разныхъ сторонъ, генеральныя планы мѣстности, ситуациі возвышеній и пр.), составилъ нѣсколько эскизовъ въ разныхъ стиляхъ; по одному изъ нихъ построена дача князя А. Н. Голицына, на

Южномъ же берегу Крыма; другой проектъ принятъ былъ въ основаніе мавританскаго дворца князя М. С. Воронцова, въ Алупкѣ. Но, ни одинъ изъ этихъ, серьезно и съ любовью обработанныхъ, проектовъ Шинкеля, не удостоился Высочайшаго утвержденія для постройки. Въ 1840 г. наконецъ поручено было составить проектъ *небольшаго* дворца (*) въ Оріандѣ архитектору Штакеншнейдеру.

Получивъ Высочайшее порученіе проектировать небольшой дворецъ въ Оріандѣ, композиторъ занялся тотчасъ же имъ и одною изъ первыхъ идей былъ Итальянскій павильонъ, который потомъ, болѣе обработанный, сооруженъ на островѣ большаго озера, въ Петергофѣ. Виды Государя этою композиціею не были удовлетворены и архитекторъ посланъ, для обозрѣнія мѣстности, въ Крымъ.

Поѣздка эта, предпринятая въ Сентябрѣ 1841 г., продолжалась всего 1½ мѣсяца. Штакеншнейдеръ бралъ съ собою помощника своего А. И. Ланге и, сообразивъ на мѣстѣ заявленныя требованія, къ концу этого же года представилъ на Высочайшее воззрѣніе три новые проекта, различнаго характера. Въ первомъ изъ нихъ предполагалъ композиторъ трехъ-этажную башню, верхній ярусъ которой составлялъ открытый на всѣ 4 стороны павильонъ, за башнею же, выступавшею съ юго-западной стороны, главный корпусъ виллы расположенъ былъ неправильнымъ прямоугольникомъ въ одинъ и два этажа. По второму проекту середина двухъ-этажнаго зданія была плоская по бокамъ фасада (съ юга), съ фронтонами за которыми шли съ той и другой стороны, пристройки, по три окна, въ одинъ этажъ. Про-

(*) Шинкель предлагалъ въ одномъ изъ наиболѣе ему нравившихся эскизовъ позолотить всѣ кровли дворца въ древнемъ вкусѣ, съ павильонами, въ формѣ храмовъ, зданіемъ музея древностей, открытою залою на море, большимъ атриумомъ, украшеннымъ портикомъ, съ мозаичными пилястрами и пр. Въроятно требовавшіяся на такое сооруженіе большія суммы, показанныя въ предварительномъ примѣрномъ исчисленіи композитора не согласны были съ тогдашними видами Его Императорскаго Величества и имѣли вліяніе на оставленіе проектовъ Шинкеля.

странные проемы оконъ и дверей въ срединѣ зданія украшены были пилястрами; а ко входамъ подъ фронтонами вели, съ обѣихъ сторонъ, отдѣльныя, трехсторонныя, открытыя лѣстницы изъ сада. Въ планѣ же представлялъ дворецъ правильный квадратъ, со внутреннимъ дворикомъ (atrium) въ срединѣ. Наконецъ, 3-е предположеніе, удостоенное Высочайшаго утвержденія Ея Величества 1 Сентября 1842 г. (въ Царскомъ Селѣ), рознилось отъ приведеннаго въ исполненіе только не назначеніемъ, открытаго грота, балконовъ боковыхъ и, на сѣверномъ фасадѣ, пологого съѣзда для экипажей, прибавленнаго потомъ по волѣ Его Императорскаго Величества.

Величайшая ширина дворцоваго зданія съ запада на востокъ (отъ линіи балкона до дугообразной стѣны павильона, заключающаго восточный дворикъ) 28 саж.; если же считать протяженіе виноградныхъ бесѣдокъ (pergola)—46 сажень, при длинѣ въ 20 саж. и при высотѣ $7\frac{1}{2}$ саж. (съ акротерами фронтоновъ). Крышечки входныхъ выступовъ бэль-этажа на южномъ фасадѣ поддерживаются женскими термами, а открытая галерея между крыльевъ украшена іоническими колоннами и пилястрами, тогда какъ на галереяхъ верхняго яруса колонны и пилястры композитныя; колонны всѣ съ канелюрами. Схожіе одинъ на другой фасады, восточный и западный, имѣютъ надъ плоскими выступами балюстрадъ, украшенный вазами; разница оказывается на западномъ фасадѣ, во входѣ по срединѣ и балконахъ по бокамъ на колоннахъ, тогда какъ съ восточной стороны далеко выступаетъ глухая стѣна дворика и въ линію съ нею фундаментъ террасы съ широкимъ спускомъ ближе къ южному углу.

Полученіе прохлады, —одно изъ существенныхъ условій построекъ на югѣ, —заставило архитектора не только снабдить фонтаномъ внутренній атриумъ, но, помѣстивъ еще водоемъ въ павильонѣ, заключающемъ восточный дворикъ съ цвѣтникомъ, онъ роскошно обдѣлалъ, въ формѣ грота, главный бассейнъ въ подвальномъ этажѣ зданія съ цѣлью покойнаго пріюта здѣсь въ часы величайшаго зноя.

Если къ этому удачному разрѣшенію сложной задачи: *удобнаго, не обширнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящнаго сооруженія*, прибавимъ мы, что классически простая орнаментація въ помпейскомъ вкусѣ вполне гармонируетъ со всѣмъ прочимъ, то это будетъ лучшей похвалою талантливаго строителя, хорошо обдуманшаго всѣ части своего проекта.

Одновременно съ этимъ важнымъ трудомъ проектировалъ Штакеншнейдеръ домъ графу Потоцкому въ одной изъ югозападныхъ губерній.

Продолжая постройку Маріинскаго дворца и Сергіевской виллы, Штакеншнейдеръ, какъ и всегда, не ограничивалъ этими серьезными исполненіями своей артистической производительности. Въ періодъ 1840—41 г., принявшись за перестройку дома флигель-адъютанта князя Бѣлосельскаго, строитель нашъ составилъ проектъ роскошнаго загороднаго дома для полковника Потемкина въ имѣніе Гостилицы. Барскій домъ этотъ, по идеѣ архитектора, получилъ форму романо-готическаго замка неправильной симметричной формы (въ планѣ). И башни, и балконы, и фонари, и переходы, и галереи и террасы — тутъ есть все, но безъ излишества и монотоніи. Большинство украшеній впрочемъ принадлежитъ романской готикѣ; въ стилѣ послѣдней проектированъ даже иконостасъ домової церкви, какъ и въ другихъ палаццо Штакеншнейдера, помѣщенной въ верхнемъ этажѣ.

Вообще можно сказать безъ преувеличенія, что komponуя проектъ, архитекторъ обращалъ всегда главнѣйшее вниманіе на мѣстность и старался съ удобствомъ расположенія совмѣстить пользаніе картинными видами окрестностей. Павильонъ на острову большаго озера въ Петергофѣ представляетъ въ окрестностяхъ нашей столицы одно изъ первыхъ удачныхъ созданій строителя въ этихъ побужденіяхъ. Наружная изящная форма подчинена уже высказанной нами цѣли.

Въ періодъ 1843—1844 г., вслѣдъ за окончаніемъ работъ по павильону, Штакеншнейдеръ составилъ проектъ на перестройку соб- *

ственной дачи благополучно царствующаго Императора (тогда Наслѣдника Цесаревича) за Петергофомъ, въ характерѣ французскихъ павильоновъ XVIII вѣка, въ два этажа. Въ Павловскѣ началъ постройку павильона для Е. И. В. Великой Княгини Марии Николаевны и во дворцахъ Константиновскомъ и Большомъ перестроилъ болѣе сотни комнатъ съ устройствомъ водопроводовъ. Тамъ же принялся и за возстановленіе сгорѣвшаго воксала при станціи желѣзной дороги.

Въ слѣдующемъ году, окончивъ Маріинскій дворецъ, о чемъ мы выше говорили, Штакеншнейдеръ занятъ былъ по своему проекту, Высочайше утв. 19 Окт. 1844 г., сооруженіемъ памятника въ Бозѣ почившей Великой Княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ, въ саду въ Царскомъ Селѣ. Памятникъ этотъ въ общей формѣ квадратнаго павильона, увѣнчаннаго крестомъ на 4 сторонней пирамидѣ, напоминаетъ очень близко, позднѣе сооруженную, на постоянномъ Невскомъ мосту часовню; съ тою разницею, что на памятникѣ передъ входомъ существуетъ на возвышеніи площадка, выстланная мраморомъ, задняя стѣнка капеллы съ сферическою нишей, гдѣ помѣщенъ бюстъ усопшей Великой Княгини, и все это въ меньшемъ размѣрѣ, въ сравненіи съ постройкою на мосту.

Вмѣстѣ съ памятникомъ строилъ Штакеншнейдеръ павильонъ на Сампсоновскомъ каналѣ, названный потомъ «Озерки», въ Петергофѣ; въ Александріи перестраивалъ дворецъ на фермѣ, оказавшійся малопомѣстительнымъ, и передѣлывалъ комнаты во дворцѣ на Каменномъ острову. Постройка дворцовъ въ Оріандѣ вчернѣ уже была окончена, архитекторъ представивъ на утвержденіе рисунки внутренней отдѣлки комнатъ, по волѣ Императрицы съѣздилъ вторично въ Крымъ для осмотра окончательныхъ каменныхъ работъ.

Въ бытность Высочайшихъ особъ въ Палермо, Государынѣ Императрицѣ понравился одинъ готическій домикъ съ многогранными островерхими башнями по угламъ удлиненнаго четырехугольника. Выполненные на мѣстѣ кое-какъ рисунки этой постройки присланы были въ Петербургъ съ повелѣніемъ Штакеншнейдеру построить по

нимъ на Знаменкѣ, на берегу, павильонъ «Renella». Составлен-
ный проектъ Высочайше утвержденъ 27 Февраля 1846 г. и къ
возвращенію Ея Величества оконченъ постройкою, прибавивъ собою
новое украшеніе низменнаго приморья. Одновременно съ Ренеллою,
поручено было проектировать небольшой итальянскій домъ на од-
номъ изъ островковъ, названномъ «Ольгинымъ», на озеркѣ въ Пе-
тергофѣ. И этотъ домъ поспѣлъ къ сроку возвращенія Августѣй-
шаго семейства.

Возводя отдѣльные изящные дворцы и павильоны въ любимомъ
своемъ Петергофѣ, Императоръ Николай I, которому эта лѣтняя
Царская резиденція одолжена настоящею восхитительною обстрой-
кою, — Императоръ Николай, повторилъ, возобновилъ и старое, дер-
жась строго идеи первоначальнаго сооруженія. Отдѣлку комнатъ Боль-
шаго дворца поручилъ онъ въ это время Штакеншнейдеру же, оправ-
давшему какъ и всегда Монаршее довѣріе. Реставрація залъ, отдѣ-
ланныхъ графомъ Растрелли въ кудрявомъ стилѣ причудливаго ро-
коко, доставила художнику возможность строже изучить мотивы про-
славленнаго предшественника, которому онъ затѣмъ подражалъ въ
своихъ композиціяхъ довольно удачно. Такъ, въ стилѣ вѣка Елиса-
веты Петровны предположилъ онъ отдѣлать домъ князя Бѣлосель-
скаго, на Невскомъ, у Аничкова моста, и исполнилъ на славу за-
дачу нелегкую.

Знавшіе, что былъ этотъ домъ до перестройки, подтвердятъ на-
ми высказанное; для незнакомыхъ же съ дѣломъ мы позволимъ себѣ
замѣтить, что существовавшія стѣны, нисколько не соотвѣтствовали
идеѣ величія и пышности, приданной палацу его позднѣйшимъ пе-
редѣльвателемъ, не говоря уже о неправильности линій построекъ,
сперва веденныхъ безъ смысла и безъ цѣли. Настроено было много,
но ничего хорошаго. Штакеншнейдеръ, пристройками наружной гал-
лерей въ углу задняго двора и продолженіемъ поперечнаго флигеля
перпендикулярно фасаду на Невскій, успѣлъ не только выгадать
мѣсто для пышныхъ обширныхъ залъ, великолѣпнаго входа и лѣ-

стницы, но образовать еще правильный дворъ и исправить ошибочную планировку. Знакомые съ отдѣлкою дворцовъ Штакеншнейдера, безъ сомнѣнія, не найдутъ особенно новыхъ мотивовъ въ роскошной орнаментовкѣ залъ барскаго дома, но всѣ согласятся, что, послѣ передѣлки, фасады дома Бѣлосельскаго прибавили собою видное украшеніе Невскаго проспекта единственной улицы въ нашей столицѣ, вообще отличающейся роскошными сооруже́ніями. Выдержанные въ этомъ же характерѣ фасады дачи Бѣлосельскаго на Крестовскомъ острову, въ своемъ родѣ, ничѣмъ не ниже городскаго палацо.

Послѣ изысканной роскоши этихъ сооруже́ній, постройка маленько́й, но изящной церкви, въ Сергіевкѣ, составляетъ ощутительный контрастъ не только съ ними, но и съ другими исполне́ніями архитектуры. Плоскій параллелограммъ церковнаго зданія, отличеннаго снаружи только фигурою ангела, держащаго крестъ надъ входомъ, не смотря на простоту планировки и украшенія, заслуживаетъ большой похвалы за строгость пропорцій и выдержку стиля, чѣмъ строители могутъ, по справедливости, гордиться другъ передъ другомъ.

Окончивъ въ 1846 году эту постройку, Штакеншнейдеръ проектировалъ новый храмъ въ г. Павловскѣ, по порученію Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича; совершенно въ другомъ характерѣ. Къ тому же времени относятся, также не похожіе одинъ на другой, проекты церквей для графа Оффенберга и княгини Бѣлосельской.

Постройка домовъ гофмаршала Олсуфьева и графа Куселева, да проектъ памятника графу А. Х. Бенкендорфу, первому покровителю Штакеншнейдера, открывшему ходъ ему своей рекомендаціей (какъ мы выше говорили)—заключаютъ собой періодъ самой кипучей производительности нашего зодчаго. Дальнѣйшій ходъ ея не представляеть уже такъ часто одновременнаго исполненія вдругъ въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколькихъ сооруже́ній, отличныхъ по цѣли и разнообразныхъ по стилю.

По смерти профессора Мейера, на Штакеншнейдера возложено,

по Высочайшему повелѣнію, докончаніе работъ въ Стрѣльнѣ, по перестройкѣ дворца и служебныхъ зданій. На долю нашего художника выпало составленіе здѣсь нѣсколькихъ проектовъ внутренняго украшенія залъ и жилыхъ комнатъ.

Получивъ Высочайшее повелѣніе отправиться въ третій разъ въ Крымъ для осмотра работъ въ Оріандѣ, Штакеншнейдеръ составилъ проектъ и смѣты на окончательную отдѣлку и меблировку этого дворца, въ размѣрахъ болѣе скромныхъ, чѣмъ предполагалось сперва. Отправляясь въ этотъ разъ на югъ, принялъ архитекторъ порученіе Департамента Военныхъ Поселеній: осмотрѣть при проѣздѣ состояніе воинскихъ зданій и производство работъ, въ городахъ: Екатеринославлѣ, Перекопѣ, Симферополѣ, Карасу-Базарѣ, Евпаторіи, Керчи, Эниколѣ, Новогеоргіевскѣ и Кременчугѣ; всѣ эти мѣста онъ посѣтилъ и результаты осмотра изложилъ въ донесеніи. Въ Оріандѣ составлены въ этотъ пріѣздъ кромѣ общихъ смѣтъ еще проекты служебныхъ построекъ въ саду, домика названнаго «Императорскимъ», конюшень и дома для директора. Къ этому же (1849 году) относится новый проектъ Штакеншнейдера на постройку для графа Слизена, обширнаго средневѣковаго замка.

Съ полнымъ окончаніемъ дворца на собственной дачѣ, мансарднаго этажа большаго Петергофскаго дворца, гранитной террасы противъ павильона «Озерки» и двухъ мостовъ названныхъ «колониетскими», Штакеншнейдеръ получилъ повелѣніе составить проекты залъ и лѣстницъ въ большой Императорскій Эрмитажъ и столовой, на половинѣ Наслѣдника, въ Зимнемъ дворцѣ. Постройки въ Стрѣльнѣ приближались между тѣмъ къ окончанію и занятый здѣсь сооруженіемъ мостовъ, дорогъ и кузницы, строитель нашъ наблюдалъ за исправленіями «китайскаго» дворца въ Ораніенбаумѣ, по порученію Е. И. В. Великой Княгини Елены Павловны.

Въ это время Новгородскій губернскій предводитель дворянства г. Васильчиковъ, поручилъ Штакеншнейдеру составить проектъ дома

для Дворянскаго Собранія, тогда же Высочайше утвержденный и приведенный затѣмъ въ исполненіе.

1850-й годъ замѣчателенъ въ жизни нашего художника окончаніемъ нѣсколькихъ построекъ, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ Оріанда, труды по украшенію и устройству которой послѣдовательно занимали Штакеншнейдера 10 лѣтъ, затѣмъ сооруженіе дворца на Собственной дачѣ, за которое 1 Августа награжденъ строитель орденомъ св. Анны 2-й ст.; за устройство же столовой въ Зимнемъ дворцѣ, отъ царствующихъ нынѣ Императора и Императрицы пожалованъ былъ художнику перстень «за точное выполненіе Ихъ желаній.»

Устроивъ „столовую“ залу на половинѣ Августѣйшей четы, надъ залою этой въ слѣдующемъ году Штакеншнейдеръ устроилъ чугунный просвѣтъ и новую чугунную лѣстницу. Работы по старому Эрмитажу за Высочайшимъ утвержденіемъ проектовъ тоже начались въ это время и продолжались послѣдовательно почти десять лѣтъ. Между тѣмъ Государь занималъ искусстваго зодчаго новыми предположеніями. Поручено ему было составить проекты на сооруженіе загороднаго дворца со службами въ русскомъ стилѣ, на Михайловской дачѣ, близъ Петергофа, двухъ-этажнаго повильона въ формѣ греческаго храма іоническаго ордена, на Баби-гоньскихъ высотахъ и, тамъ же, каменной церкви съ колокольнею, напоминающею въ общихъ чертахъ *Тоновскіе* храмы. Постройка церкви тогда же и начата, одновременно съ возведеніемъ въ столицѣ каменнаго 5-ти этажнаго флигеля при Маріинскомъ дворцѣ и зимняго сада при немъ, расположеннаго въ галлерей, веденной наискось отъ Вознесенскаго проспекта до соединенія съ среднимъ внутреннимъ выступомъ въ садъ главнаго корпуса дворца.

По частнымъ порученіямъ составилъ Штакеншнейдеръ проекты: загородныхъ домовъ графини Толстой и камеръ-фрау Червенко, коюшеннаго двора и служебныхъ флигелей на Крестовскомъ островѣ для наслѣдниковъ кн. Бѣлосельскаго, памятника князю Василю

Викторовичу Кочубею, мавзолея для оберъ-егермейстера Дмитрія Васильевича Васильчикова и часовни при надгробномъ памятникѣ гр. А. Х. Бенкендорфу.

Въ послѣдній годъ своей жизни герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій занялъ Штакеншнейдера составленіемъ проекта небольшого дома въ имѣніи Его Высочества, въ Тамбовской губерніи.

Въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I, собственноручно начертавъ идею развалинъ, предположенныхъ на возвышенномъ острову большаго пруда, въ Петергофѣ, у Озерковъ, повелѣть соизволилъ Штакеншнейдеру сочинить рисунокъ для выполненія, по которому композиторъ и произвелъ потомъ работы. Тогда же, по Высочайшемъ утвержденіи приступилъ онъ, къ постройкѣ каменныхъ оранжерей на Михайловской дачѣ и составлялъ проектъ помѣщенія въ первомъ этажѣ зданія стараго Эрмитажа, Государственнаго Совѣта, Комитета гг. Министровъ и Комитета 18 Августа 1814 г. Для украшенія постоянного моста черезъ Неву, составилъ Штакеншнейдеръ одновременно проектъ часовни во имя св. Николая Чудотворца и приступилъ къ постройкѣ ея.

Разведеніе сада въ Оріандѣ положило конецъ 12-ти лѣтнихъ заботъ о ней Штакеншнейдера, награжденнаго 9 Января 1853 г. орд. св. Анны 2 ст. съ Имп. короною. Изъ частныхъ построекъ, за окончаніемъ въ 1852 г. дома Дворянскаго Собранія въ Новѣгородѣ, самыми видными трудами Штакенштейдера была перестройка дома графа Кушелева, въ столицѣ, у Семеоновскаго моста и проектъ перестройки его же дома въ с. Лиговѣ.

Государю Императору благоугодно было поручить Штакеншнейдеру вмѣстѣ съ другими составить проектъ на постройку новаго дворца Е. В. Великому Князю Николаю Николаевичу близъ Благовѣщенскаго моста. Проектъ Штакеншнейдера удостоенъ Высочайшаго утвержденія и, въ ожиданіи постройки, поручено ему составить детальные чертежи и смѣты, на окончательную отдѣлку самого дворца, какъ равно и на службы. Почти одновременно открыты въ 1854

году имъ строены: часовня на мосту—9 Мая, и церковь во имя царицы Александры на Баби-гони—31 Августа. За первое сооружение объявлено строителю Монаршее благоволение, а за послѣднюю постройку пожалованъ ему подарокъ (7 Сент. 1854). Передъ тѣмъ же „за безмездное и отличное составленіе проекта иконостаса“ для церкви въ здѣшнемъ Воскресенскомъ женскомъ монастырѣ, Св. Си-нодъ изъявилъ (5 Дек. 1853) „особенную свою признательность“ Штакеншнейдеру, опредѣленному за поступленіемъ К. А. Тона въ ректоры, профессоромъ архитектуры въ Академію Художествъ (22 Апр. 1854 г.); годомъ ранѣе (27 февр. 1853 г.) назначенъ онъ архитекторомъ собственнаго Е. И. В. дворца и завѣдующимъ постройками по загороднымъ Государыни Императрицы дворцамъ. По вѣдомству ихъ въ періодъ 1853—4 г., въ Петергофѣ перестроилъ Штакеншнейдеръ въ нижнемъ саду по сторонамъ „Сампсона“ павильоны съ колоннадами, облицованными мраморомъ; составилъ проектъ на перестройку большаго грота передъ дворцомъ и львинаго каскада въ нижнемъ саду. Въ Александріи, на старой фермѣ понадобилась перестройка комнатъ Августѣйшихъ дѣтей Государя Наслѣдника—нынѣ царствующаго Императора—Штакеншнейдеръ, составивъ проектъ на это исполненіе, представилъ и другой еще: на постройку каменной фермы, ближе къ дорогѣ.

Тогда же, при продолженіи работъ по внутренней отдѣлкѣ зданія старого Эрмитажа, составлены имъ проекты церкви новой—въ имѣніе генераль-лейтенанта Романоваго и, на перестройку старой—въ Тверскую губернію.

Графиня Кушелева надъ прахомъ супруга пожелала построить въ Сергіевской пустыни каменную церковь, сооруженіе которой поручила Штакеншнейдеру. Невысокій, круглый, куполъ этого храма въ стилѣ рококо имѣетъ сходство съ церковью на Собственной дачѣ (1857—59 г.) и сильно напоминаетъ вліяніе Растрелли. Завѣдываемый Кушелевскою церковью, проектировалъ Штакеншнейдеръ еще

надгробный памятникъ баронету Вилліе, удостоившійся Высочайшаго утвержденія.

Николай I не дожиль до окончанія Бабигоньскаго бельведера, открытаго уже благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ. Въ первый же годъ новаго царствованія устроена Штакеншнейдеромъ въ Александріи, на фермѣ, терраса и отдѣлана столовая зала; въ Зимнемъ дворцѣ отдѣланы имъ же комнаты для В. К. Николая Николаевича и постройка дворца для Его Высочества тоже, наконецъ, начата. Трудолюбивый строитель, составивъ проекты Телеграфной станціи въ Петергофѣ, близъ него каменной церкви на Собственной дачѣ и загороднаго дома для камера-юнкера В. В. Апраксина, въ это же время сочинилъ рисунокъ олтара Лютеранской церкви въ г. Венденъ.

Наступилъ между тѣмъ вождеденный годъ мира и строитель нашъ занялся послѣднимъ капитальнымъ своимъ сооруженіемъ—дворцомъ для В. К. Михаила Николаевича, на Дворцовой набережной, на мѣстѣ бывшаго зданія Департамента Удѣловъ. Мы удержимся теперь отъ оцѣнки послѣднихъ дворцовъ Штакеншнейдера, конечно уступающихъ во внѣшнемъ величіи Маріинскому дворцу, хотя имѣющихъ каждый свои относительныя достоинства и отдѣльныя части прекрасно мотивированныя. Сравнить между собою зданія дворцовъ обоихъ Августѣйшихъ братьевъ также ни къ чему не поведетъ; хотя нельзя не сказать, что послѣдній изъ нихъ по времени компоновки кажется на первый взглядъ болѣе располагающимъ для составленія идеи о назначеніи зданія. Нельзя также не согласиться, что фасадъ Николаевскаго дворца со стороны сада, гдѣ выступающія части и куполь церкви составляютъ граціозное цѣлое, оставляетъ за собою главный фасадъ со стороны улицы. Скромная наружность дворца выкупается искусною, обдуманною планировкой и достоинствомъ отдѣльныхъ частей. Прекрасна, на примѣръ, дворцовая церковь, изящно обставленъ садовый дворикъ и пр. Залы на Неву въ Михайловскомъ дворцѣ каждая стоила бы особаго описанія,

но недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности при поверхностномъ обзорѣ даже коснуться основныхъ частей, каковы планъ и общее расположеніе.

Дворцы окончены въ 1861 году и за послѣдніе годы жизни художника, какъ самые лѣта его, требовавшія отдыха, такъ и обстоятельства не представляли ему возможности выполнить что либо особенно важное. Самъ онъ считалъ болѣе замѣчательнымъ проэктъ церкви во имя Николая Чудотворца, составленный по порученію князя В. И. Васильчикова, для сооруженія надъ могилами падшихъ при защитѣ Севастополя. Предположенный храмъ долженъ былъ имѣть пирамидальную форму и каждая грань пирамиды должна была быть въ основаніи 10 сажень, при 15-ти саженной высотѣ (съ крестомъ). На наружныхъ граняхъ пирамиды, въ медальонахъ, полагалось помѣстить выпуклыя изображенія святыхъ: Николая Чуд., Александра Невского, Георгія Побѣдоносца и Владиміра Равноапостольнаго; а подъ ними имена падшихъ офицеровъ. Надпись надъ входомъ въ храмъ объясняла причину сооруженія. Внутри мраморный иконостасъ, мраморный полъ и стѣны тоже покрыты надписями именъ и дѣяній павшихъ генераловъ. Общей мотивъ сооруженія простъ и, въ ряду болѣе серьезныхъ композицій художника, не могъ занимать очень виднаго мѣста.

Послѣ этого проэкта, между исполненіями послѣднихъ годовъ, исключая дворцы, позволимъ себѣ назвать домикъ въ русскомъ стилѣ, въ Александріи, для Государя Наслѣдника и тамъ же отдѣлку помѣщеній для дворцовыхъ должностей. Въ зданіи принадлежащемъ Аничковскому дворцу въ 1859 г., въ бель-этажѣ, устраивалъ покойный Штакеншнейдеръ помѣщеніе для Предсѣдателя Кабинета Е. И. В. и тогда же составилъ онъ проэктъ для постройки на большомъ Эрмитажномъ дворѣ отдѣльнаго каменнаго кухоннаго флигеля, для сообщенія съ корпусомъ Эрмитажа. Проэктъ на передѣлку въ Зимнемъ дворцѣ кабинета и Золотой гостиной Государыни Императрицы, въ послѣдній разъ напомнилъ изяществомъ деталей вкусъ и талантъ усерднаго

водчаго. Загородный же домъ В. В. Апраксина въ Орловскую губернію, тудаже проэктъ церкви, фермы и рисунки хозяйственныхъ построекъ, можно назвать заключительными чертами славной производительности А. И. Штакеншнейдера.

Въ послѣдній годъ жизни своей онъ, по просьбѣ своего друга Я. И. Довголевскаго, сочинилъ ему проэктъ иконостаса зимней церкви въ Черниговскую губернію. Едва ли этотъ рисунокъ не послѣднее слово нашего артиста композитора.

Здоровье его, истощенное трудами, безъ видимой причины разстройства, примѣтно слабѣло. Весною 1865 года врачи присовѣтовали А. И. Штакеншнейдеру, попользоваться кумысомъ. Двое дѣтей сопровождали его въ далекое путешествіе. Лечение, казалось, принесло пользу; силы какъ бы стали возобновляться, но на обратномъ пути, начатомъ при самыхъ успокоительныхъ примѣтахъ, чѣмъ ближе подѣзжали къ Москвѣ, тѣмъ дѣлалось хуже. Принуждены были, прибывъ въ древнюю столицу, остановиться на нѣсколько дней и здѣсь, 8 Августа, достойный художникъ окончилъ свою трудолюбивую жизнь на рукахъ жены и дѣтей. Тѣло его привезено въ Петербургъ и предано землѣ при значительномъ стеченіи почитателей таланта усопшаго, друзей дома и собратьевъ по искусству.

За нѣсколько лѣтъ до смерти сталъ собирать покойный Штакеншнейдеръ рисунки своихъ лучшихъ проэктвъ. У наслѣдниковъ между множествомъ чертежей всякаго рода, и утвержденныхъ и не исполненныхъ, сохраняется нѣсколько десятковъ чисто вычерченныхъ плановъ, фасадовъ и деталей главныхъ композицій оставившаго насъ строителя, ожидающихъ, только, позволимъ себѣ сказать изданія.

